

ПОЗИЦИЯ

ЛЕВ КРОЙЧИК

УНИВЕРСИТЕТ – ОБИТЕЛЬ ТАЛАНТЛИВЫХ ЛЮДЕЙ. ОН ЭТО ЗАСЛУЖИЛ

I

Начну с повести Льва Николаевича Толстого «Смерть Ивана Ильича». Судейский человек, Иван Ильич Головин, окончив училище правоведения, неспешно делал карьеру, перебираясь из одного провинциального города в другой. В 1880 году с героям случилось несчастье.

Дальше предоставляю слово Льву Николаевичу.

«Иван Ильич ждал места председателя в университете городе, но Гоппе убежал как-то вперед и получил это место. Иван Ильич раздражался и стал делать упреки и поссорился с ним и ближайшим начальством» (Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. М., 1958. Т. 10. С. 148).

Чтобы понять причину раздражительности Ивана Ильича Головина, надо знать, что на всю Россию в 1880 году было всего пять Императорских университетов: Петербург, Москва, Казань, Томск, Дерпт (Юрьев).

Статус университетского города значил очень много. Так что Воронежу повезло, когда он в 1918 году обрел этот статус, благодаря переводу из Лифляндии Юрьевского университета. Справедливости ради отмечу, что к этому времени государственные (точнее – императорские) университеты уже были в Варшаве, Харькове, Одессе...

И все-таки...

Статус университетского города – знак отличия.

Кучка юрьевцев (и преподавателей, и студентов) преобразила город.

Это была поистине могучая кучка.

Без всякой иронии. Без метафор. Без кавычек.

Дело не в фуражках с серыми околышами и не в тужурках.

Дело не в слове «коллега», которое юрьевцы ввели в обращение, и слово это начало свою созидающую демократическую работу.

Дело в том, с каким достоинством небольшая группа юрьевцев стала обращать в свою веру стоячный город.

И – обратила.

Когорты преподавателей на протяжении почти столетия сменяют друг друга, но неизменным остается одно – их естественная интеллектуальная состоятельность.

Михаил Семенович Цвет.

Николай Нильич Бурденко.

Иван Иванович Шмальгаузен.

Борис Михайлович Козо-Полянский.

Мария Афанасьевна Левитская.

Илья Николаевич Бороздин.

Марк Александрович Красносельский.

Яков Александрович Угай.

Федор Николаевич Мильков.

Это – лидеры. А рядом – тысячи преподавателей и студентов, целеустремленно и созидательно творивших университет.

С момента своего возникновения и по сию пору университет – уникальная градообразующая структура, не позволяющая Воронежу раствориться среди преуспевающих губернских центров Центральной России.

Юрьевская научная кровь была замешана на гуманистических традициях общеевропейской цивилизации.

Поэтому, вероятно, и выстоял университет в бурные двадцатые, когда классическим университетам была уготована судьба старательных приложений к заводским цехам.

Поэтому и в годы войны устоял университет, скукожившийся в июле сорок второго до двух телег, вывозивших из города гербовую печать да документы ректората.

А после войны состоялся как вуз-лидер.

Конечно, проблем много: высшее образование сегодня не в фаворе. Думающий специалист страны сегодня не очень нужен – власть предпочитает иметь дело с послушными исполнителями, которые легко берут под козырек и не задают лишних вопросов.

В вузовских программах торжествует прагматика, а не теория, не наука. Содержать серьезную научную школу сегодня накладно, да и бесперспективно – реализовывать идеи, рожденные в молодых извилинах, почти невозможно: промышленность лежит, а та, что еще держится на плаву, ориентируется на западные научные разработки и технологии.

Тем более, что нетерпеливое наше государство ждет реализации научных идей не послезавтра и не завтра, а сегодня к вечеру.

Модель системного научного поиска в вузах отсутствует.

Да и сама концепция университета как серьезного научного центра в административных умах отсутствует.

И в мозгах работодателей – тоже.

– Вы не волнуйтесь за свой товар, – вежливо успокаивают вузовских педагогов работодатели. – Готовьте людей, способных реализовать наши проекты. Реальному делу мы их сами обучим.

К чести нашего университета, он пытается сохранить свое научное лицо.

Потому и стоит сегодня крепко: строит учебные корпуса, общежития и мечтает о кампусе.

Ничего не боясь и себя уважая.

По крайней мере, хочется в это верить.

II

В университете я – свой.

Потому что здесь все свои.

Чужие самым удивительным образом в университете не задерживаются.

Своему скажут в глаза все, что о нем думают. Постараются понять.

Вместе порадуются успеху и погорюют о потере.

Университет – пространство задумывающихся людей.

Лето 2012 года. Университетские сады в Успенской Хавке.

Вечер. Звезды. Асфальтовая дорога, тянущаяся к Шуриновке. Мы прогуливаемся с Анатолием Николаевичем Латышевым в пространстве мироздания между Шуриновкой и Успенской Хавкой.

Молчаний до того Анатолий Николаевич неожиданно говорит:

– А все-таки жаль, что всё это кончится.

– Что кончится? – спрашиваю я.

– Все это, – делает взмах рукой Латышев.

Анатолий Николаевич Латышев, доктор физико-математических наук, много лет заведовавший кафедрой оптики нашего физфака.

– Представляешь, – говорит мой спутник, – сейчас всё это есть, а потом ничего не будет. Никогда.

– А что будет? – спрашиваю я.

– Ничто, – отвечает Латышев.

– Когда наступит ничто? – беспечально спрашиваю я.

– Примерно через четыре с половиной миллиарда лет, – отвечает заслуженный деятель науки Российской Федерации.

– Слушай, – осторожно спрашиваю я, – а ты своих пращуроў до какого колена помнишь?

– До прадедов, – признается Латышев.

– А я – до дедов. В отцовском архиве обнаружил справку, что мой дед по отцу родился в 1856 году. То есть в год окончания Крымской войны. А я родился в 1934-м. В год челюскинской эпопеи. Встречаться мог только с Михаилом Водопьяновым, одним из первых Героев Советского Союза. Так что пространство в четыре с половиной миллиарда лет для меня реальностью не выглядит.

– А для меня выглядит, – возражает Латышев.

– Не хочу соглашаться с тем, что когда-то наступит ничто.

– Таковы законы энтропии, – учено утешаю я.

– Ну и что? – не соглашается спутник. – Всё равно мне трудно это принять.

С Анатолием Николаевичем Латышевым мы знакомы более полувека – с эпохи детских колясок с дочерьми, которые мы выкатывали в Детском парке, носившем некогда гордое имя Третьего Интернационала.

Понимаем друг друга с полуслова.

Для меня Анатолий Николаевич (в обиходе – Толик) университетский человек.

То есть человек, живущий творчеством.

Умеющий заглядывать за горизонт.

Советскому университету не слишком повезло в XX веке.

Началось с того, что его лишили великого права – автономии.

Права самому определять течение собственной жизни.

К тому же долгие годы от университета требовали не обучение полету мысли, а навыков обращения с логарифмической линейкой и классового понимания исторических и иных процессов, протекающих в обществе. Университет готовил учителей.

Мир формирует личность

Потом спохватились – требовали открытый в пробирках и колбах, отлитых в середине тридцатых годов.

Но помимо пробирок для научного поиска требуется бесстрашие.

Умение заглянуть за горизонт.

И, разумеется, достойная профессиональная подготовка.

Учеными-мыслителями университет наш никогда не был скуден:

Петр Григорьевич Богатырев, Алла Борисовна Ботникова, Ростислав Эрнестович Нейман, Семен Григорьевич Крейн, Дюис Данилович Ивлиев, Игорь Павлович Распопов, Владислав Петрович Скобелев, Валентин Сидорович Рахманин, Николай Михайлович Чернышов.

С Валентином Сидоровичем Рахманиным мы знакомы с пятьдесят четвертого. В том году я поступил в университет. Лежу в общежитии (тогда абитуриентам давали общежитие на время экзаменов), штудирую географию (тогда поступающие на ист-филфак сдавали географию).

Стук в дверь.

– Входите! – кричу я, не отрываясь от учебника.

Дверь открывается, в комнату входит молодой человек в голубой тенниске.

– Я – секретарь комитета комсомола Валентин Рахманин. – Какие будут просьбы?

– Если можно – организуйте мне пятерку по географии, – говорю я.

Пришелец смеется.

Я – тоже.

Вот так и познакомились на всю оставшуюся жизнь. Часто встречаемся, обсуждаем насущное. А

что может быть насущнее университетской жизни. Спросил однажды:

– Ты в университете с сорок восьмого. Какое время было самым трудным?

Валентин Сидорович ответил сразу, как давно решенное:

– Отставка Бориса Ивановича Михантьева с поста ректора. С моей точки зрения, Борис Иванович был идеальным ректором. Ты помнишь то время?

– Помню.

– И я помню. Борис Иванович не только отчетливо представлял, каким должен быть университет – он очень быстро создал команду единомышленников, вместе с которой реализовывал свои планы. Ректорство Михантьева – время сбывающихся надежд.

– А еще – очень демократичное время.

– Мне кажется, – вздохнул Рахманин, – потому Борис Иванович и ушел, что не очень вписывался в каноны жизни, его окружавшей. Очень на него давили – и из обкома, и из Министерства. А гнуться ректору не хотелось. Вот и ушел.

– Однако же Борис Иванович умел защитить тех, кого обижали. Университет в те годы был приятием для обижаемых.

– Это нормальная функция российского университета, – засмеялся Рахманин. – Мы же готовим специалистов. Специалист – это не чемодан, набитый рукописями, а живой человек. Индивидуальность – прежде всего. Мир формирует личность. Разве можно об этом забывать?

Давно случился этот разговор.

Сегодня нет-нет, да и встретимся мы с Валентином Сидоровичем на подходах к нашим факультетам. Идет несгибаемый Рахманин на кафедру.

Университету никогда не требовалось представляться лидером – он был им по своему существу

Трудно идет, опираясь на простецкую палку.
Но – идет.

Человек университета.

Профessor Валентин Сидорович Рахманин.

Университету никогда не требовалось представляться лидером – он был им по своему существу.

И таким остался.

III

2 ноября 2014 года в Доме актера выступал профессор Владимир Дурденко.

Это был очередной диалог Владимира Андреевича с аудиторией.

Не помню уж какой – десятый, одиннадцатый, двенадцатый.

Доктор технических наук, сотрудник факультета компьютерных наук говорил о главном – о том, как мы живем в мире, который сами же и обустроили.

Университетскому профессору было что сказать аудитории.

Хорошо, что в Воронеже есть голоса, к которым стоит прислушиваться.

Хорошо, что в Воронеже есть университет.

Обитель талантливых людей.

Университет это заслужил.

Владимир Андреевич Дурденко в тот вечер пел под гитару, читал стихи и прозу, доверчиво разговаривал с аудиторией.

Это тоже традиция русского классического университета – его духоподъемность.

Его эстетическое верховенство в среде обитания.

«Картофельные семестры» придумала власть, а «Весны» и «Перваки» – студенты.

Если мне не изменяет память – студенты нашего университета.

Тут все закономерно.

Юрьевцы, перебравшиеся в Воронеж, подарили городу не только свою библиотеку и музейные коллекции, но и особый стиль жизни.

Способность самостоятельно принимать решения.

Порядочность.

Надежность.

Добросердечие.

Изобретательность.

К 95-летию университета Художественный музей устроил выставку произведений, посвященных университету.

Какие-то произведения создавались к юбилею, какие-то доставали из запасников.

Примечательная получилась выставка – галерея несердитых лиц.

Схожих своей открытостью.

Что вполне естественно.

В университете привыкли говорить то, что думают.

В университете привыкли к свободному волеизъявлению.

Старый маляр Редька из чеховской повести «Моя жизнь» приговаривал:

– Тля ест траву, ржа – железо, а лжа – душу.

«Лжа» нашей жизни не в заблуждениях, а в сознательном искажении правды.

В цене часто оказывается не мысль, а готовый шаблон.

Матрица.

Готовое лекало приучает к изворотливости руки, а не к самостоятельному поиску гармонии линий.

К счастью, в университете много людей, умеющих мыслить небанально.

Людей, хорошо ориентирующихся в пространстве бытия.

Конечно, случается всякое, но одна из самых приметных черт университетского люда – его несгибаемость.

Признание права ощутить себя свободным человеком.

Сергей Александрович Запрягаев – один из таких людей.

В середине «нулевых» Сергей Александрович был первым проректором университета.

Худощавый, немногословный (очень немногословный) профессор-физик симпатий университетского коллектива не снискдал.

За глаза его звали «Угрюм Бурчеев».

Помните такого градоначальника, который, обосновавшись в городе Глупове, придумал Салтыковым-Щедриным, приказал повернуть речку вспять, а когда та все-таки прорвала плотину, велел ее выпороть.

Когда я однажды рассказал первому проректору, как его коллектив именует, Сергей Александрович усмехнулся:

– Могли бы придумать что-нибудь поинтереснее.

Сегодня – по прошествии лет – я думаю, что те, кто видел в Запрягаеве Угрюм-Бурчеева (и я в их числе), были неправы.

Сергей Александрович был (да и остается) абсолютно свободным человеком, и свои представления о том, каким ему видится университет, воплощал в жизнь. В свою собственную жизнь.

Времена были невероятно трудными для всей страны, и Сергей Александрович это прекрасно понимал. А, понимая, как мог, старался остановить Хаос, превратив его в благопристойный Космос.

Многие думали о выживании университета – первый проректор полагал, что у нашего университета есть реальные перспективы для развития даже в те невероятно сложные годы.

От Запрягаева ждали сочувствия, а он предлагал тем, кто рассчитывал на утешение, заниматься делом.

Ощущал себя правым, менять свои убеждения не собирался.

И остался тем, кем был всегда – человеком верным своего делу.

Свободный человек в самооправдании не нуждается.

Университет – пространство свободных людей.

Свободного человека одолеть невозможно.

Университет – пространство свободных людей